

РАССКАЗЫ

БЕЗ ПЯТИ ДЕСЯТЬ

Хозяин кабинета исполнил все, что полагалось доброму доктору: покачал головой, сваял в горсти пегий клин бороды, макнул очки в кардиограмму. Завершил пантомиму выводом:

— Прогноз неутешительный.

Посетитель — мужчина лет пятидесяти трех, с потекшим от неумеренного потребления жизни лицом — отозвался рефлексивным всхлипыванием. Капли пота пробились под пунктирной линией волос и выщелочили лицо до пористой белизны ватмана. Гость поднес сжатые кулаки ко рту. Закусил костяшки указательных пальцев. Качнулся, заваливая голову на плечо в одну сторону, затем в другую.

— В обморок собираетесь? — поинтересовался доктор.

Медсестра возникла у визитера за спиной и ладонью прижала потный затылок гостя к своему уютному животу.

— Так лучше? — поинтересовался врач.

Пациент замычал.

— Зинаида, дай человеку дышать.

Ловким стежком медсестра продела в мужскую ноздрю обоюдоострую ленту аммиака, протащила ее через глазные яблоки и прихватом ватного диска вытянула запах. Глаза посетителя увлажнились. Он дернулся и попытался заговорить.

— А можно... — зашептал затравленно гость. Врач нахмурился. Пациент смутился, убавил звук и конец фразы обозначил одними губами: — Отменить?

— То есть как? — возмутился доктор.

— Хотя бы перенести, — сдал назад посетитель. — По состоянию здоровья. Шумы в сердце, причина уважительная.

— Уважительной причиной является лишь смерть, — отрезал доктор, — Что теперь, из-за шума законы менять?

— Анестезия? — прошептал гость и, устыдившись собственной слабости добавил: — Местная.

— Обезболивание запрещено, — напомнил доктор. — Для нашего случая абсолютно противопоказано. Да и потом, взгляните на рецепт. Десять ударов. Бычий хлыст. Еще и интервалы прописали удвоенные. С вашим-то сердцем?

Посетитель судорожно сглотнул. Медсестра бумажным полотенцем отерла влагу с его висков.

Александр Дергунов родился в Москве в 1968 году. Окончил МАИ, работал разнорабочим, предпринимателем, преподавателем. Имеет степени к. э. н., MBA Лондонского университета, автор ряда патентов и изобретений. Обучался на семинаре профессора Литинститута А. К. Михальской, на курсах CWS/Литературные мастерские — классы Е. Холмогоровой, О. Славниковой. Рассказы Дергунова опубликованы в журналах «Знамя», «Волга», «Новый свет», сборнике издательства «Эксмо». Лауреат Волошинского фестиваля (2017), премия Э. Хемингуэя (2019). С 2003 года живет в Киллалу (Канада) и в Москве.

— Неужели ничего нельзя сделать? — спросил визитер. — Я заплачу. Сами знаете.

— Знаю, — согласился доктор. — Заплатите. Строго по прейскуранту. Если хотите, например, хлыст импортный или после процедуры — отдельную палату.

— На лавке сдохну, — запричитал посетитель, раскачиваясь в стороны.

Подстраиваясь под амплитуду гостя, за его спиной грузно переминалась с ноги на ногу медсестра.

— Вы, голубчик, пенитенциарную медицину недооцениваете, — огорчился врач. — Дня три уйти не дадут. Куда направили? В Южный округ? Там прекрасные экзекуторы. Кандидаты наук. Есть литераторы. Вы, случаем, не писатель?

— Математик.

— Жаль. Я бы вас к такому мастеру определил... Специализируется на современной литературе. Пережившие его курс обильно лауреатствуют.

— Неужели? — твердил свое гость.

— Да что вы, право, заладили, — рассердился доктор, — неужели, неужели... Чем я-то могу помочь? Разве что по закону...

Гость шумно втянул воздух и ввинтился затылком в подбрюшье медсестры. Он пытался сфокусироваться на переносице доктора, но мутный взгляд то и дело поскальзывался на жирной позолоте оправы.

— По закону, — доктор выдержал паузу, — нарушитель имеет право на передачу до половины ударов аффилированным лицам. Только физическим, конечно.

Видимо, в последней фразе заключалась шутка, так как врач после нее сухо каркнул, и посетитель ощутил трепыхание Зиночкиного живота. Сам приговоренный улыбнуться не сообразил.

— Любезнейший, вы с нами? — участливо спросил доктор.

Пациент молчал. Взгляд его бессмысленно плавал по комнате.

— Зинаида, добавьте резкости, — велел доктор, и пациента взбодрила свежая волна нашатыря.

— Как это — передать удары? — переспросил гость.

— По взаимному согласию, — пояснил врач. — Диктуйте список, и Зинаида разошлет повестки.

— Что диктовать? — переспросил пациент.

— Имена кандидатов, — пояснил доктор. — Вспоминайте знакомых, готовых принять за вас хлыст. Один удар снести каждый может. Тем более что добровольцам полагается немедленная реабилитация. Вреда здоровью никакого. Сплошной адреналин.

— Не знал, что так можно, — воспрял духом посетитель. Даже попытался выпрямиться и переполз затылком по животу Зинаиды повыше, под теплый навес груди. — Обождите сутки, я непременно человек пять найду. До телефона доберусь и тут же стану искать.

— Вы еще объявление дайте, — съязвил доктор, — что требуются добровольцы.

— А хорошая идея, — подхватил посетитель. — По объявлению наверняка откликнутся. Есть же люди, которые это дело любят. Тем более если я им немного...

— Приплатите, что ли? — уточнил доктор.

— Ну да, — кивнул головой посетитель.

— Айда, — срифмовал доктор. — Много вас таких умных. За деньги нельзя. И вообще незнакомых нельзя. А из знакомых можно лишь тех, кто вам дорог. Эффект терапии — в осознании. И если друг примет ваши удары, то вы спасителю обязаны сострадать. Иначе какой смысл? Понимаете?

— Понимаю, — поспешил согласиться пациент. — Иначе смысла нет.

Он застыл с отсутствующим лицом. Попытался вспомнить.

Пять человек за пять десятилетий жизни. Вроде немного. Должен справиться. Ведь был же школьный друг. Пионерия. Самое счастливое в мире детство. Так они верили.

Да и теперь. Память, умноженная на коэффициент юности, всегда больше, чем реальность, раздробленная дряхлением души.

— Есть имя, запишите, — попросил гость. — Хотя не надо. Не явится. Полагаю, это он донес.

— Вы не любите людей, голубчик, — мягко пожурил доктор. — Что за жаргон такой? Уведомил не этот. Поверьте. Еще имена?

Институтские друзья. Говорят, связь самая крепкая. Вот уж действительно, алхимия четырех субстанций. Пот, кровь, вода, спирт. Вкальывали в студенческих бригадах. Драки с местными. Ночные купания голышом. Страна мутировала. Короткая эпоха, когда каждый думал про государство «мы».

Мы с талонами в длинных очередях. Мы без гарантий и без работы. От бесконечности горизонтов радостно. Мы выстоим и преодолеем. Студенческие пирушки, с тостами и без.

— Запишите еще кандидатуру, — сказал посетитель. — А кто уведомил, позвольте узнать?

Доктор поднял глаза от бланка, поправил очки, словно подвел прицел на гостя, и спокойно сказал:

— В органы правопорядка написал я.

— Вы? — переспросил гость.

После института — работа. Злое время. Все на стройки капитализма.

В стране темно. Судя по звукам ночной канонады, делят уже не палатки. По телевизору — кадры телесных наказаний. Пока не у нас, а во временно сопредельном государстве. Держава треснула. Таймер сработал на отметке «ноль-ноль», и рвануло в сердцеvine. Краснокирпичный зубчатый изломом по линии «мы — они».

Человек человеку — волк. Соучредителям — лютый волк. Государству — волк изворотливый. Но волкам надо держаться в стае. Банда, фирма, союз, коллегия, комитет. Все горланят по сигналу тамады «Нашей команде гип-гип-ура!».

Кто выжил? Удивительно немногие. По меньшей мере, в памяти.

— Вы пишете?

— Да. Диктуйте.

Шарик катится по бумаге. Оттирается от сиреневой пасты. Следит по бланку именами бывших друзей.

— Не могу верить, что вы пожаловались, — произнес гость.

— А кто же? — Доктор уставился на собеседника. — Медицина должна искоренять причины болезни. Социальная неуверенность — корень любого недуга. Счастливое, уверенное в завтрашнем дне общество выращивает здоровых оптимистичных людей. Годных к труду и обороне. Критика власти — это злокачественное образование, которое надо подавлять, пока не пострадали здоровые клетки.

— Вы же наш семейный доктор, — сопротивлялся посетитель. — Столько раз спасали. Буквально с пеленок.

— С рождения о человеке заботимся, — подтвердил доктор. — Как говорится, «от скарлатины до гильотины». Клятву Гиппократу не нарушал. Девиз «Не навреди». Но ведь не все болезни лечат молоком с медом. Чем горче лекарство, тем меньше шанс рецидива. Вы слушаете?

Пациент набирал в памяти команду спасателей.

Еще женщины. Говорят, человек помнит себя с трех лет. В отношении женщин — с тридцати. До этого все происходило ярко, остро, болезненно. Но с кем-то другим. Бестелесность памяти. Немое бело-белое кино. Смытая пленка. Интересно, к какому возрасту четвертое десятилетие жизни, будет казаться не твоим? Или оно уже по факту стало не твоим? Жена изменяла. Страна не жаловала. Уходила не сразу. К бандиту

или офицеру, кто их различает теперь? Тогда были силы поднажать и остаться хозяином, но сдрейфил. Просила не беспокоить. Даже не звонить. Общались через адвокатов. В тождество «Страна — это мы» кто-то подставил местоимение в третьем лице.

— А вот вы бы, голубчик, — голос доктора оторвал посетителя от воспоминаний, — вы бы разве не сообщили, если ваш знакомый запутался? Пошел по неверному пути?

— Я бы... — Гость замотал головой, но заметив, что доктор приготовился писать, коротко ответил: — Да. Обязательно сообщу.

Врач одобрительно кивнул, сделал пометку в бланке, а воспоминания понеслись дальше.

После сорока — стабильная семья. Третья. До этого случались свадьбы-блиц. Коротко. Нокаутом. Не навсегда. То, что женщине дано от рождения, мужчина постигает на пятом десятке. Осязаемое счастье глагола «есть» вместо призрачной надежды «быть может». Мужчина в возрасте ползет к теплу. Становится уязвимым. Мягкобрюхим, как потерявший панцирь омар. Таких легко женить, если кто-то позарится.

Рождение детей приоткрывает дверь для появления смерти. Пока не главным действующим лицом. Косматая старуха крутит интрижки с ровесниками. Ты прибываешь только к финалу. На авансцене — баба с косою и бывший однокурсник. Пристраиваешься к хору плакальщиков. В потоке соболезнований звучит не жалость об ушедшем, а ошарашенное: «Неужели и наш год признали годным к призыву?» В скорбных позах застыли супруга и родственники по ее линии. Интересно, жена согласится на один удар ради него? Вряд ли.

Давно разошлись. Он работал, она жила на его деньги. Он возвращался домой измочаленный и всюду обнаруживал следы циничных измен. Пьяный разгул, дым коромыслом, блатные аккорды вибрируют в каждом углу. Пропадали вещи. Она не признавалась. На все упреки отвечала лозунгами о верности и долге. При попытке диалога сразу переходила на крик. Потом оказалось, что все имущество, машины, деньги, права, ему уже не принадлежит. Судиться без толку. Правосудие на стороне ответчицы. Чаще она выступала истцом. И обвинителем. Как он любил ее раньше, а теперь она со смаком примеривает роль палача.

— Сколько можно еще записать? — спросил пациент, вынырнув из воспоминаний.

— Да полно мест, — подбодрил доктор. — Вы не так уж много вспомнили.

Пациент задумался.

— Родителей нельзя, — предупредил доктор.

— Почему?

— Отсутствует терапевтический эффект. Большинство детей самопожертвование со стороны родителей воспринимают как естественный поступок. Даже обязательный. Так что никакого сострадания дети не испытывают.

— Дайте еще подумать, — попросил пациент.

— Люди ждут, — напомнил доктор. — Хотите из списка доноров добавлю?

— Откуда? — переспросил гость.

— Вы от донорства бегаετε, но многие желают принести пользу в случае смерти. Хотя бы в виде органов. Донор уполномочен выбирать круг реципиентов.

— Неужели кто-то меня указал? — удивился визитер.

— Да, — подтвердил доктор. — Имена назвать не могу. Женщины, вами брошенные. Помнят вас молодым. Хотят пригодиться снова. Жертвы часто мечтают погибнуть во имя собственного палача. Оформляем повестки донорам?

— Отправляйте.

— А вы, кстати, сами донорскую форму не подпишете? — поинтересовался врач. — Печень у вас в товарном состоянии, селезенка вполне. Экзекуторы при процедурах донорские органы по возможности щадят.

- Я подумаю, — промямлил гость.
- Пока подпишите обязательство о неразглашении — и свободны. Не вздумайте прогулять. А то хуже будет.
- Два раза не умирать, — возразил пациент.
- Поверьте мне, между страхом смерти и смертью как единственным желанием существует значительная разница, — заверил врач.

* * *

Первой повестку получила жена. Посмотрела с презрением и заявила: «Я предупреждала. Трепло!» Вышла, хлопнув дверью на кухню.

Пришло несколько телеграмм. Общий смысл: «Рад помочь. Но в этот день никак». Командировки. Отпуска. Защита диссертаций. Такие вещи планируются заранее, и перенести сроки нет никакой возможности.

Институтский товарищ пообещал выслать денег и в дальнейшем заботиться о семье. Много сообщений с рекламой. От ритуальных услуг до помощи в уходе за больными.

* * *

На экзекуцию прибыл вовремя. Даже спал нормально всю ночь. Не потому, что железные нервы — а не верил, что бить будут. Физические наказания ввели недавно, и никто не допускал, что подобная дикость вообще возможна. Конечно, к этому все шло, но как-то постепенно. Без резких смен курса и поводов для протестов. Все голосовали единогласно. Исцеленные молчали.

Пациент отметился у дежурного. Сдал вещи в хранилище. Отдельно на вешалке — черный шерстяной костюм. Шов разошелся на спине — но кто там будет смотреть. Поношенные ботинки в мешочке. Новые жена взять не позволила. Получил номерок и тут же потерял. Случайно выбросил в урну с кучей шелухи от семечек. Шелуху обнаружил в кармане брюк и в экзекуторскую тащить постеснялся.

Спустился в подвал. Залы ожидания разглядел сразу — ярко освещенные боксы в конце коридора. Внутри оживленно. Добровольцев собирали загодя. Замерить давление. Провести инструктаж. Мужчина всмотрелся.

Первый бокс полон народа. В другом — одинокий женский профиль. Три оставшиеся пусты.

— Какой из них твой? — пробормотал мужчина.

Пошарил в карманах, разыскивая направление. Бумажки не было. Память подсказывала, что предписано явиться в бокс номер один. Удобная комната. Даже показались в переполненном помещении знакомыми несколько лиц.

Пациент засомневался. Можно ли верить памяти? Как правило, нет.

Прибавил шаг.

ГОСПОДИН ХОРОШИЙ

Некоторые люди до полного звания так никогда и не остепеняются. Из имени вырастают, а вот Иваном Николаевичем, например, Петровым не становятся никогда. Так и остаются Ваньками, если человек без претензий, или в лучшем случае именуется строго по батюшке, что тоже обидно, словно не нажил человек за сорок лет ничего собственного.

Наш Николаич жил вроде при окладе и животе, а все равно весь какой-то в обращении был уменьшительно-ласкательный. Главное, он сам этот культ умаления личности поддерживал и вечно что-нибудь такое вытворял, чего трехзначный Иван Николаевич Петров в жизни бы совершить не мог.

Николаича любили. Немного свысока. Немного жалели — вот ведь мог бы стать успешным человеком. Приглашали всюду с удовольствием.

В компании такой человек незаменим. Он не руководитель застолья. Не из тех, кто по заученному тексту объявляет, за что надо пить до дна. Пока ответственные работники тамада, Николаич помалкивает в свою тарелку и ножиком подправляет мохнатую шубку на ломтике жирной сельди. Пока гости новостями через стол перекидываются, Николаич не перебивает. Да и какие новости в компаниях выдержки от сорока до шестидесяти — дети рождаются уже перестали, сами умирать еще не начали.

Зато когда над столом повиснет осоловелая тишина — люди солидные, немолодые, поели-выпили, не танцевать же идти, — тут Николаич обязательно с каким-нибудь бенефисом влезет. Например, анекдот расскажет на грани фола. Такой, что громко засмеяться неприлично, но обязательно в знак легкого неодобрения покачать головой.

Или про себя насочиняет. Так наврет, что все непременно поверят. Может заставить всех в дурацких играх участвовать. Люди отмахиваются: «мы же не маленькие дети», но он приставучий. Уляжется, например, на диван и заявит, что никто из-за стола не выйдет, пока его шараду не разгадают. А так как на диване в тот момент заседает женский президиум и Николаича без конфуза с дамских коленок не скатить, приходится всем за шараду браться.

Диван тот, кстати, старый, тканевый, весь в узлах и затяжках, но хозяйева его хранят как воспоминание о романтической юности. Или как напоминание об убогой зарплате заслуженных инженеров. Так моя жена говорит.

По женской части Николаич тоже не по возрасту ретив. Он, как правило, холост, часто влюблен — но девушек своих в компанию не водит. И я бы не водил. Не столько потому что жена не разрешает, а потому что попробуй приведи нового человека на вечеринку, где все друг друга знают подробнее лечащего врача. Новичок подвергается детальному просвечиванию. Не со зла, а от скуки. Найдут тысячу недостатков, и не дай PROVIDENЬE, если у гостя хоть какой изъян действительно имеется. Еще пять лет будут выговаривать.

Так что Николаевич всегда приходил один и в нашей компании исполнял роль мужского внимания. Подозреваю, что дома у него хранилось полное собрание комплиментов в подарочном издании. Перед встречами он их в обязательном порядке пролистывал. Достанет список гостей, выковыряет с полки томик «Комплиментов для полных» или брошюрку «Как похвалить брюнетку», а после дамам цитирует. И каждый комплимент — с подходом к ручке, с касаниями талии и даже в шейку может горячо выдохнуть, так, что искрой пробивает заряд от вспыхнувшего розовым ушка до громоотвода высокого каблука.

Другим такое не позволено, но с шута какой спрос? Даже спокойнее, когда после застолья мы в креслах оседаем сладкой полудремой, а Николаич со всеми дамами затевает сеанс одновременной игры в амур-лайт. И женам весело, и нас не беспокоят. На Восьмое марта он всех жен в порядке очереди перетанцовывал. Двигается он, надо сказать, не без изящества, которого от такого грузного кавалера и не ожидаешь. Вообще недурен собой. Чист лицом и ясен взглядом. Моя жена шутит, что второй причиной всемирного потепления следом за парниковым эффектом является улыбка Николаича. От такой улыбки тают не только арктические льды, но даже сердце нашей кастаньялиши — неделями потом спрашивает, как там наш шутник поживает.

Одевается Николаич тоже всегда на десять лет назад. Не в смысле моды, а в смысле возраста. Я на галстуках не настаиваю, но рваные джинсы, нашейные платки и гавайские рубашки в пятьдесят лет — это уже даже не ребячество, а раннее слабоумие.

Однажды в нашей компании новенькая появилась. Васильковая такая барышня, лет около тридцати, круглые коленки под воздушным воланом, остальное — глаза. Хотя все и при женах, но появления одиноких красавиц компанию очень мобилизуют. Мы внутренне подтянулись, разговор за столом оживился, выкатился из многолетней вязкой колеи. Сверкнула пара острот. Блеснула оригинальная мысль. Оказалось, что мы еще можем быть вполне интересны. По меньшей мере — сами себе. Почти как раньше, когда старались очаровать своих пока не жен. Да и пяток лет после свадеб были хороши. Зачем-то кокетничали с женами уже не своими. Потом успокоилось. Попривыклось.

А Николаич, тот как васильковую фею увидел, ринулся на нее без объявления войны.

— Ах, Ева, — говорит, — Вы же с первой женщиной земли практически однофамилица.

И передвигается в сторону новенькой по дивану со скоростью три узла в час.

— Первую женщину звали Лилит, — отвечает Евгения. Ева, как вы поняли, это только сокращение от Жени. И продолжает: — Но первый мужчина не потерпел равной рядом с собой.

Значит, не только красивая, но и на язык остра. От этого у Николаича совсем ум за разум зашел.

— Ах, Евушка, — говорит, — а давайте с вами уплывем на необитаемый остров. Я унаследовал один такой в нагрузку к графскому титулу. Будем жить как люди, если не первые, то, по меньшей мере, единственные. Без телевизора и газет. Потому что, Ева, когда я вижу ваши глаза, никакого телевизора мне не надо. Читаю в ваших очах и последние новости, и прогноз погоды на завтрашний день.

Совсем почти к даме Николаич пристыковался, а Еве отодвигаться некуда — с края дивана сидит, к шерстяному валику жметесь, уходом своим боится всех обидеть. Человек, значит, не только умный, но и деликатный.

А наш товарищ чушь плетет и, самое ужасное, комизма своего положения не понимает. Он рядом с Евой даже не чудовище с красавицей. Даже не горбун с Эсмеральдой. Хуже. Просто какой-то мезальянс в квадрате. Но сам себе он, видимо, д'Артаньяном кажется, а краснеть за него, следовательно, приходится всем нам.

Сидим, смущенно переглядываемся, моя жена его в коленку под столом пару раз ткнула — она это пребольно делает, если, например, к лишней, по ее мнению, стопке потянуться или забуксовать взглядом в изгибах неродственной дамы.

— Вы, Евушка, скорее думайте, — гнет свое Николаич и на тычки вроде внимания не обращает. — А то здесь на необитаемый остров уже очередь выстраивается. Вот дама справа мне под столом коленку поглаживает, чтобы, видимо, в очереди на остров вперед продвинуться.

Тут жена моя вспыхнула и из-за стола вскочила так, что чуть салатница не опрокинулась.

— Горим! — заявляет и на кухню пальцем показывает.

Мы принюхались — и правда: тонкий дымок из-под двери потянул, и индейкой хорошо запахло. Все вскочили и на кухню ринулись. Конечно, когда такая толпа бежит одну духовку выключать, то от дружности трудового порыва один вред: толкотня в проходах, теснота на кухне. В результате индейка спасена, а мы все сгрудились вокруг многострадальной птицы. Кроме Николаича с новенькой.

Жена моя дверь прикрыла и обвела нас суровым взглядом.

— Стыдно, — говорит.

— Стыдно, — киваем мы.

- Как же он не понимает, каким идиотом выглядит, — добавляет не моя жена.
  - Полным идиотом, — соглашается публика.
  - Мы его единственные друзья, — констатирует другая не моя жена. — И если глаза товарищу не раскроем, то кто же? Пока над ним смеются, а скоро бить начнут.
  - Начнут, — соглашается муж докладчицы и так кулаки сжимает, словно уже сейчас пожилому ловеласу врезал бы с удовольствием.
  - Докажите свою дружбу, — подвела итоги совещания моя супруга.
- Дверь приоткрыла, шею в щель просунула и сладким голосом протянула:
- Евочка, вы нам тут на кухне не поможете?
  - Сейчас, — отвечает та и с дивана поднимается.

Пока Ева шла, супруги нас всех в комнату выпихнули. Как стеснительных первокурсников на сцену Дворца пионеров. Выстроились в шеренгу. Стоим, как дураки, не знаем, с чего начать. Я назад оглянулся, думал, в прихожую прошмыгну и перекурю неловкий момент на лестничной клетке. Но за спиной обнаружил безжалостный заградотряд в лице своей супруги.

- Послушай, Николаич, что мальчики тебе сказать хотят, — начала за нас супруга и пихнула меня в спину.
  - Не подумай, Николаич, — промямлил я. — Мы по дружбе...
- Замолчал, совсем не зная, что говорить, но рядом со мной второй докладчик выскочил. Тоже подозреваю, не без помощи благоверной.
- Только не обижайся, — заявил второй.
  - Глупо на правду обижаться, — добавил третий, который от поощрительного толчка в спину чуть лицом в ковер не ткнулся.

Николаич на нас смотрел еще нездешним взглядом — любовь и разумных людей дураками делает, а если человек с фантазиями и легковоспламеняющийся, то влюбленность нивелирует умственные способности до уровня полного идиотизма.

С другой стороны, Николаич на свете пожил уже достаточно и понимал, что разговор «по дружбе» редко бывает приятным. Мы слово за слово все выложили. И про возраст. И про внешность. И даже про материальное положение. С примерами из народного эпоса. Жена моя зачем-то про волосы в носу заметила. Я попытался смягчить, но только еще глупостей наговорил.

Мы бы еще час говорить могли — когда людям стыдно себя слушать, то они остановиться не могут. Однако я заметил, что слова наши до товарища дошли. И он сказанным проникся. Заметив это, все вдруг, как по команде, повернулись к кухне и колонной по одному ретировались. Жена моя хотела что-то добавить, но, взглянув на Николаича, молча вышла. И дверь за собой тщательно захлопнула. И на нее спиной улеглась. Словно тяжелые мешки таскала, и наконец выдался момент отдохнуть.

Мы же, не сговариваясь, прошагали к холодильнику, распахнули дверцу и прямо из горлышка, передавая друг другу, сделали по паре очень основательных глотков. Случается порой, в горле такая сухость, которую водой из-под крана никак успокоить нельзя.

Вот и вся история, собственно.

С тех пор Николаича мы не видели. Да и собираться стали реже. Без Николаича совсем стало тухло за столом. Перезванивались только по самым значительным поводам. Пока еще не по печальным, слава богу.

На последний полувековой юбилей в нашей компании пришел человек, похожий на Николаича: в костюме, галстук, при часах. Но такой тусклый человек, с такими невыразительными глазами, что если бы не представлялся он Петровым Иваном Николаевичем, то я бы его сразу и не узнал. Буквально за год наш товарищ изменился на пару десятилетий: высох, обвис, вместо улыбки на все отвечал кислой гримасой согласия.

— Что же вы, Иван Николаевич, за собой следить перестали, — попыталась пошутить моя супруга.

— Зачем за собой следить? — отвечает гость. — Для этого дружья существуют.

За столом мы Петрова так и не услышали, а при первой же возможности он тихо исчез.

Васильковая барышня на том юбилее тоже, кстати, была. Порхала по залу распушенными ресницами.

— А где ваш товарищ? Такой смешной? — спросила Евгения у меня, когда Петров уже удалился.

— Да знаете, — ответил я даме, — не смог прийти по состоянию здоровья.

— Жаль, — ответила Ева. — Я бы с таким на необитаемый остров, наверное, согласилась.

ТРИУМФАТОР

— Со щитом! Со щитом, Адам Палыч! — радостно кричал пассажир в трубку, пока служебная «Волга» подруливала к центральному подъезду. Включив аварийку, шофер остановился во втором ряду. Котиков выбрался с пассажирского сиденья и взбежал по ступенькам. Злобные гудки машин звучали для него литаврами победы.

— Победителей не судят, Сергей Владимирович, — делился он радостью с другим собеседником.

Руководитель секретариата Вера Степановна была уже в курсе, но вся выгнулась вперед тревожным знаком вопроса.

— Ну как, Петр Сергеевич?

— Победа! Победа, дорогая Вера Степановна.

— Вы наш герой! — театрально всплеснула руками Вера Степановна и превратилась из вопросительного знака в знак восклицательный.

— Оглашение подробностей назначаю на три, явка строго обязательна, — энергично распорядился хозяин приемной. — А пока соединяйте меня по списку номер два в любой последовательности, как дозвонитесь.

Список номер два включал коллег, состоявших в том же ранге и звании. По списку номер один Сергей Владимирович отзвонился лично.

Следующие два часа из полуоткрытой двери кабинета раздавался один и тот же набор фраз.

— Мы еще повоюем, Михайлыч, дорогой! Спасибо за поддержку! — захлебывался Котиков радостью. — За мной должок.

Рассыпаясь в благодарностях, триумфатор косился на ежедневник с именами тех, кому Котиков задолжал за измену. Возглавлял черный список руководитель производства.

Участники торжественного совещания потихонечку собирались в колонном зале. Первой пришла главный бухгалтер.

— Ну что, ныне на нашей улице праздник? — Это подтянулся на собрание руководитель службы безопасности.

— Погодите, все узнаем. — Главный бухгалтер ни в чем не была уверена, пока не получит прямых указаний.

Начальник службы безопасности уселся спиной к окну.

— Теперь-то финансирование двинется? — мягко поинтересовался вошедший начальник производства.

— Вопрос не ко мне, — резко отреагировала главный бухгалтер. К любому требованию на оплату она относилась как к покушению на собственную честь.

Уже месяц ни один документ в филиале не визировался.

— Подождите, пока решится вопрос, — говорил Котиков своим замам, те — помощникам, и те — уже сотрудникам и просителям.

Что за вопрос, никто не спрашивал, но все слышали, что завершающие подвиги Котикова сделали смену руководителя филиала более чем вероятной.

Тревожная неопределенность сохранялась до сегодняшнего утра, пока наконец Петр Сергеевич лично не увидел спасительную резолюцию и не выкупил щедрыми подарками первую копию документа.

Именно этой копией сейчас победно размахивал Котиков, входя в колонный зал.

— А на-ка выкуси! — заявил Петр Сергеевич, обращаясь в лицо колонны ко всем недругам.

— Виват победителю! — высоко поднял бокал с шампанским снабженец.

— Виват! Виват! — раздалось эхом, и десяток рук с бокалами встретился высоко над столом, образовав по центру триумфальную арку. В торце стола, у входного портала, скромно улыбался триумфатор. С другой стороны арки совсем некстати оказался начальник производства, вяло сжимавший бокал.

— Петр Сергеевич, не тяните, — попросила объяснений главный бухгалтер.

И Котиков начал подробно, с театральными паузами и изображая персонажей в лицах, рассказывать о событиях предыдущих дней. Собравшиеся историю знали почти наизусть, но поддерживали рассказчика восклицаниями восторга, ужаса и удивления в самых драматических местах.

— Вы гений, Петр Сергеевич! Вы гений! — восхищенно шептала начальник отдела кадров и взмахивала при этом руками, как дирижер, требующий мощной оркестровой поддержки.

По взмаху руки все кричали: «Ура!»

Котиков купался в лучах славы и всеобщего обожания, которыми так приятно приправлена работа на руководящих должностях. Восторженные тосты принимал как заслуженное воздаяние.

— Петр Сергеевич! А расскажите, как весь этот ужас начался, — выдала стажер Людочка, повесив неловкую паузу.

Практикантка нарушила обет безмолвия исключительно из желания помочь. Ей сделалось неловко, что Котиков по десятому разу пересказывает одно и то же, в то время как история, может быть, полна и прочих удивительных моментов. Надо только помочь шефу правильным вопросом. Так рассуждала Людочка, прежде чем убедиться, что сообразительность — не ее основное достоинство.

Начались же неприятности практически с момента назначения Котикова директором филиала.

Вместе с особняком в центре города, жирными дивидендами и богатой приемной в управлении Котикова оказались пара заводиков, которые обеспечивали этот скромный достаток. Чем конкретно занимались заводы, Котиков особо не вникал, тем более что старшие акционеры обеспечивали по своим каналам отсутствие конкуренции и растущие рынки сбыта.

Огорчало одно: работоспособность заводов надо было поддерживать, оборудование — ремонтировать, зарплату рабочим — платить.

Но Котиков шагал в ногу с прогрессом. В ходе одной из заграничных командировок он присмотрел чудо-оборудование, которое рабсилы для работы практически не требовало. Отдавали линию на таких волшебных условиях, что думать не имело смыс-

ла. Заранее смакуя фиаско посрамленного начальника производства, Котиков подписал контракт.

Начальник производства новости сначала обрадовался, но, внимательно прочитав спецификацию, заявил, что линия работать не будет. Более того, через два дня заставил секретаршу присвоить входящий номер служебной записке, где пункт за пунктом доказывал свою позицию. Ничего иного от ревнивого ретрограда Котиков и не ожидал, но решил отложить триумф до момента, когда приятно удивленные соучредители своими руками потрогают новую продукцию.

Увы, триумф выглядел не совсем так, как представлялся в приятных послеобеденных мечтаниях Петра Сергеевича. Запущенная с квартальным опозданием линия с жутким скрежетом выдала партию изуродованного сыря.

Шеф Котикова прямо в цехе произнес весьма эмоциональную речь.

На наладку линии потратили еще два месяца, но она лишь портила сырье, а по окончании гарантийного срока и вовсе остановилась. Поставщики все претензии отвергли, тыкая в мелкий шрифт контракта.

Потери разочаровали хозяев холдинга. Они жаждали крови.

События тех месяцев Котиков действительно помнил плохо: память отказывается хранить недели унижений, ожиданий в приемных и оценок не стесняющихся в выражениях руководителей. Кто-то из коллег пытался Котикову помочь, кто-то подливал масла в огонь, вспоминая прошлые грехи. Но подлее всех поступил начальник производства, который в ответ на все обвинения лишь приложил ту самую служебную записку. После этого аргументы Котикова стали выглядеть совсем неубедительно, а его увольнение — более чем вероятным.

Вот такую несимпатичную историю в ходе триумфального застолья и напомнила Людочка. Однако представителей поколения, перешедшего из лагеря воинствующего атеизма в объятия ортодоксального христианства, нелегко смутить мелкими неувязками.

— Кто старое помянет, тому и... сами знаете, — не сумел закончить свою мысль Котиков, споткнувшись взглядом о Людочкино внимание.

— Знаем! Знаем! — подхватил хор голосов, чтобы преодолеть неловкую паузу, и бокалы вновь зазвенели.

Людочка не поняла причины замешательства за столом, но почувствовала, что начало истории был не столь блестящим, как ее финал. Чтобы исправиться, она решила зайти с другого конца и звонко потребовала:

— А какая резолюция, Петр Сергеевич? Что там написали?

Котиков в сердцах удивился, какими же еще невероятными талантами обладает Людочка, если покровители прощают ей серийные бестактности. Но виду не подал. Не подала виду и Вера Степановна, единственная, кто в конторе видел документ. Начальник службы безопасности, которому содержание документа стало известно по своим каналам, сморщил рот подобием улыбки.

— А что написали? Что нам надо, то и написали, — уверенно заявил Котиков. — Чтобы оставили меня в покое и не мешали работать. Верно я говорю, Вера Степановна?

— Верно, Петр Сергеевич, — подтвердила та.

В этот раз Вере Степановне почти не пришлось врать — на бумаге так и было написано: «Пускай работает».

В таком виде и запомнилась участникам собрания резолюция, решившая исход изложенной выше истории.

Хотя позже посвященные говорили, что написано было несколько грубее, что-то типа «Дурак, но пускай пока работает». Или «чудак». Так помнили посвященные.

А на самом деле совсем грубо было написано. Но смысл приблизительно такой.